

В
КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ № 10.

А65

АНДЕРСЕН

ГАДКИЙ УТЕНОК

РАССКАЗ

Рисунки В. Каабак

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Г. Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА — 1929

МОСКВА
Пречистенский бульвар, 7.
Телефон № 3-33-04

40108

1957-58 г.

Главлит № А 24312

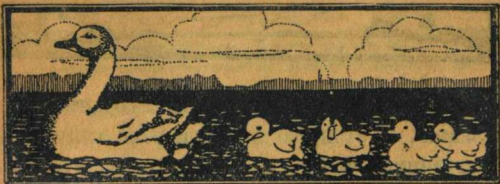
Тираж 40.000 — 2 л.

Заказ №

Госуд. тип. им. Евг. Соколовой, Ленинград, пр. Красн. Командиров

НАЯ БИБЛИОТЕКА

В ДОТ. ИЛИ КНИЖИ

Гадкий утенок

А 65

Хорошо было за городом! Лето стояло в самом разгаре, рожь блестела желтизной, зеленел овес, сено было собрано в стоги на цветущих лугах, по которым журавль разгуливал на своих длинных красных ногах и болтал по-египетски, потому что этому языку выучился у своей матушки. Вокруг полей и лугов тянулись большие леса, а посреди лесов были глубокие озера. Да, чудно хорошо было в самом деле в деревне! На самом солнцепеке стоял старый

господский дом, окруженный глубокими канавами; от стен его до самой реки тянулись репейники, такие высокие, что маленькие дети могли прятаться под ними; место это было дикое, как самый густой лес. Тут сидела на яйцах утка; скучно ей было ждать, пока вылупятся утята. Притом же редко приходили к ней другие утки: им было приятнее плавать в канавах, чем сидеть с ней под репейником.

Но вот яйца начали лопаться одно за другим, послышалось: пик-пик! — и скоро утята высунули из них свои головки, а там и совсем вылезли.

— Кряк, кряк! — сказали они потом, барахтаясь, как умели, и стали осматриваться во все стороны. Мать позволила им смотреть на зелень, сколько хотелось, потому что зеленый цвет нисколько не вреден для глаз.

— Какой, однако, этот свет большой! — сказали все утята.

Да и в самом деле, теперь им было уже не так тесно, как в то время, когда они лежали в яйце.

— Так вы думаете, что тут и весь мир? — спросила мать. — Ну, нет, он тянется еще далеко по ту сторону сада и доходит вон туда, до самых полей священника. Только там я и сама еще ни разу не была... Теперь, кажется, все уж выбрались? — продолжала она, вставая на ноги. — Нет, не все, вон то большое яйцо еще не лопнуло... Да когда же это кончится? Мне уж очень надоело!

И она снова уселась на это яйцо.

— Ну, каково поживаешь? — спросила ее другая старая утка, пришедшая ее навестить.

— Да вот одно яйцо никак не лопается, — отвечала она. — Посмотри на этих детушек: не правда ли, ведь ты никогда и не видывала таких миленьких утят? Все они в отца, а он, злодей, и не думает навестить меня.

— А ну, покажи-ка мне это яйцо, что не лопается, — сказала старуха. — Ах, поверь мне, это яйцо индюшки. Я тоже вот, как и ты, была раз обманута, и мне пришлось ужасно много возиться с этим индюшонком, потому что они боятся воды. Никак нельзя было вогнать его в воду: уж я мучилась, мучилась — нет, не берет... Дай-ка я еще взгляну. Ну, конечно, это индюшечье. Брось его, и примись лучше учить остальных детей плавать.

— Нет, подожду еще немного, уж просидела столько, — посижу еще денек-другой.

— Как хочешь, — сказала старая утка и поплелась дальше.

Наконец, большое яйцо лопнуло. Утенок пискнул и вылез. Детеныш был большой и гадкий. Посмотрела на него утка и сказала: — Экий огромный! И ни на кого из моих других детей не похож. Неужели, в самом деле, это индюшечье отродье?! А вот сейчас узнаем. Надо свести его в воду. Не пойдет, так я сама его столкну туда.

На следующий день погода была тоже отличная, солнце ярко освещало все зеленые репейники. Утка отправилась со всем своим семейством к канаве. Тут она прыгнула в воду и сказала: — Кряк, кряк! — И утята полезли один за другим туда же; вода покрывала их с головками, но они тотчас же вынырнули и поплыли, даже

гадкий серый утенок и тот не отставал от других.

«Нет, это не индюк, — рассуждала сама с собой мать: — вон, как отлично он действует ножками, как прямо держится! Нет, — это мой родной сын. Если на него хорошенько поглядеть, так он даже очень хорош собою; надо только взглядеться в него ... Кряк, кряк!».

— Ну, деточки, пойдёмте теперь со мною, я введу вас в большой свет, представлю вас утиному двору. Только будьте всегда подле меня, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, а больше всего берегитесь кошек!

Пришли они в утиный двор. Там был ужасный шум, потому что два утиные семейства дрались из-за головы угря, которая, однако, в конце-концов досталась кошке.

— Ну теперь кланяйтесь и скажите: — Кряк!

— Вот, видите, так всегда бывает на свете, — сказала мать наших утят, и стала острить клюв, потому что и ей хотелось отведать голову угря. — Ну, детки, держите себя хорошенько, и когда подойдете вот к той старой утке, то отвесьте низкий поклон. Это самая знатная из здешних уток; она из Испании родом и потому так толста. Видите, у нее на ноге красная ленточка, — это самое лучшее украшение и величайшее отличие, какое только может получить утка; оно означает, что ее боятся потерять и что оно дано этой утке для того, чтобы люди и животные могли отличать ее от прочих. Ну, переваливайтесь же! Да не заворачивайте лапок внутрь; благовоспитанный утенок выворачивает их наружу... Вот смотрите на меня. Ну, теперь кланяйтесь и скажите: «Кряк»!

Утята сделали, как сказала мать; но другие утки, бывшие тут, косо смотрели на них и громко говорили: — Очень нам нужны новички эти! Как-будто и без них нас не довольно! И один-то из них гадкий! Этого мы не потерпим. И одна утка тотчас же подбежала к некрасивому утенку и больно ущипнула его.

— Оставь его в покое, — сказала мать, — ведь он никому не мешает.

— Да он слишком велик и совсем не похож на нас, — заметила щипунья, — оттого и следует его пощипать.

— Очень красивые у вас дети, — сказала старая утка с ленточкой на ноге, — все очень хороши, кроме вот этого одного: он-то очень не удался.

— Нет, ваше сиятельство, — сказала мать, — он, конечно некрасив, зато он

такой добрый и плавает ничуть не хуже других, даже, смею сказать, получше. Я уверена, что со временем он похорошеет и сделается меньше... Он слишком долго лежал в яйце и оттого вышел не совсем таким, как следует. — И она почесала ему в затылке, погладила перышки и продолжала: — Притом же это селезень, значит, красота ему не особенно нужна. Со временем он будет очень силен и пробьет себе дорогу.

— А прочие очень милы, — сказала старушка. — Будьте как дома, и если найдете рыбью голову, то можете принести ее ко мне.

И им стало как дома.

Но бедного утенка, который был так нехорош собою, щипали, толкали, гоняли не только утки, даже и курицы. — Он слиш-

ком велик!... — говорили все, а индейский петух, родившийся со шпорами и потому воображавший себя важным господином, раздулся, точно корабль на всех парусах, подлетел к утенку и заклокотал, и весь покраснел от злости. Бедный утенок не знал, куда ему деваться, что делать; ему было очень грустно, что он так дурен и что над ним насмехался весь птичий двор.

Так прошел первый день, а в следующие — сделалось еще хуже. Все гнали беднягу, даже братья и сестры злились на него и беспрестанно говорили: — Хоть бы кошка съела тебя, урод! А мать восклицала: — Убирайся ты куда-нибудь подальше! Утки щипали его, куры били, девочка, кормившая птиц, отталкивала его ногою.

Спасаясь от гонений, он перелетел через забор; маленькие птицы, сидевшие тут,

в испуге разлетались. Это оттого, что я такой гадкий, — подумал утенок и закрыл глаза, но все-таки побежал дальше и, наконец, добрался до большого болота, где жили дикие утки. Тут он пролежал всю ночь, потому что очень устал, и так грустно было ему.

Утром дикие утки проснулись и увидели нового товарища. — Ты что за птица? — спросили они. Утенок только поворачивался во все стороны и кланялся, как только умел.

— Ты ужасно дурен, — сказали дикие утки, — но это для нас все равно, лишь бы только ты не вздумал выбрать себе невесту из нашей семьи.

Бедняжка совсем и не думал жениться, он только хотел, чтобы ему позволили летать в камышах и пить болотную воду.

Так пролежал он целых два дня. В это время прилетели к болоту два диких гуся, тоже недавно вылупившиеся из яйца.

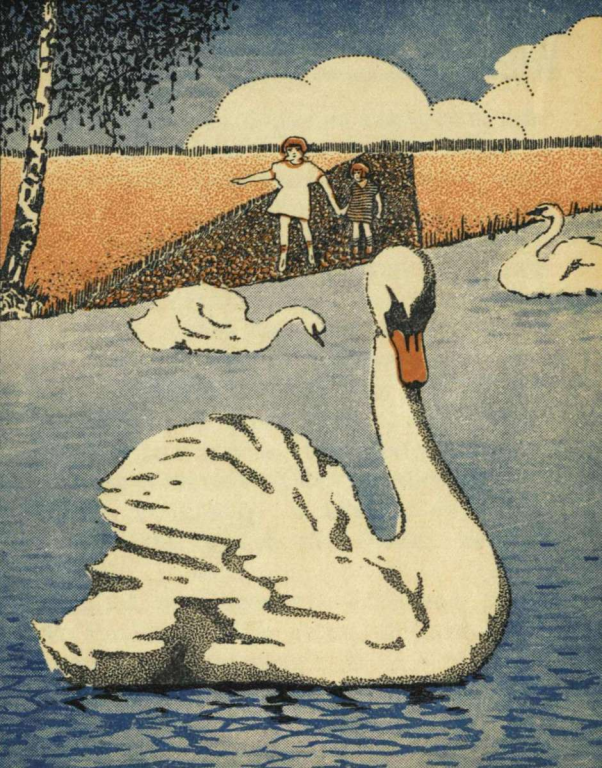
— Послушай, товарищ,—сказали они:— ты так гадок собою, что нам не можешь мешать; хочешь жить с нами и быть перелетною птицей? Тут недалеко, в другом болоте, живет несколько очень милых гусынь, и все они благовоспитанные девицы. Ты можешь жениться на какой-нибудь из них и сделаться счастливым, несмотря на то, что ты так дурен.

«Паф! паф!...» — раздалось в эту минуту, и оба дикие гуся упали мертвыми в тростник, и вода покраснела от их крови. «Паф! паф!...» — снова раздалось в воздухе, и целая стая диких гусей поднялась из камышей. Выстрел раздавался за выстрелом.— Это была большая охота; охотники окру-

жили болото, некоторые из них сидели даже на ветвях деревьев, тянувшихся далеко за тростником. Синеватый дым, точно облачко, проходил сквозь темные деревья и тянулся над водою. К болоту прибежали охотничьи собаки, начался громкий лай, тростниковые стебли гнулись во все стороны, и бедный утенок сидел ни жив, ни мертв. Он в ужасе повернул голову, чтобы спрятать ее под крылышко, как вдруг перед ним очутилась огромнейшая собака; язык ее был высунут во всю длину, а глаза страшно блестели. Она протянула пасть прямо к утенку, показала ему свои острые зубы и побежала назад, не тронув его.

Слава тебе, господи! — подумал, вздохнув, утенок: — я так дурен, что даже собаке противно укусить меня.

И он пролежал, не шевелясь, все время, пока продолжалась охота.

Только вечером все стихло. Но бедный утенок все еще не смел подняться; он прождал еще несколько часов, и, наконец, ободрившись, он побежал из болота как только мог скорее. Он бежал через поля и луга, где его захватила такая буря, что ему трудно было бежать.

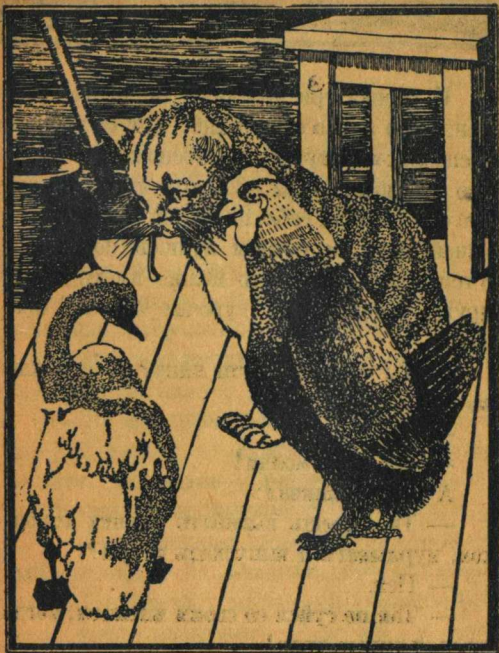
К ночи он добрался до крестьянской избушки, до того дряхлой, что она как-будто сама не знала, в какую сторону упасть ей, и только потому стояла на месте. Буря была так сильна, что утенок должен был присесть и прислониться к избушке, чтобы буря не унесла его. Тут он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висела так криво, что сквозь щель можно было легко пробраться в комнату. Он и пробрался.

В избушке жила старушка с котом и с курочкой. Кот, которого она называла сынком, умел выгибать спинку горбиком и стлично мурлыкать; он умел даже пускать из себя искры, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курочки же были очень маленькие, хорошенькие ножки, и потому она была прозвана курочкой-коротконожкой; она несла чудесные яйца, и хозяйка любила ее, как родное дитя.

Утром в избушке тотчас же заметили утенка; кот замурлыкал, и курочка закудахта.

— Что там такое? — спросила старушка и оглянулась, но глаза ее видели уже плохо и утенка приняли за жирную утку. — Вот редкая находка! Теперь, значит, у меня будут и утиные яйца, лишь бы только это был не селезень. Надо испытать.

Утром в избушке тотчас же заметили утенка;
кот замурдыкал, и курочка закудаhtала

И утенка три недели держали на испытании, но яиц все не было. Кот был в доме господином, а курица — госпожею, и у них что ни слово: «Мы — целый мир», потому что они считали себя, по крайней мере, половиной мира, и притом лучшей половиной. Утенок же думал, что можно иметь о них другое мнение; но курочке это не нравилось.

— Ты можешь нести яйца? — спрашивает она.

— Нет.

— Ну, так и молчи!

А кот спрашивал:

— Ты умеешь выгибать спинку горбиком, мурлыкать и выпускать искры?

— Нет.

— Так не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И сидел бедный утенок в углу, пригрюнившись. Раз в комнату ворвался свежий воздух и яркий солнечный свет; утенку так сильно захотелось поплавать по воде, что он не мог удержаться, чтобы не сказать об этом курочке.

— Это что за новости?! — сказала она. — Тебе нечего делать, так вот тебе и лезут в голову разные глупости. Клади яйца или мурлыкай себе что-нибудь под нос, — так и забудешь про них.

— Но ведь плавать по воде так хорошо! — говорил утенок. — Если бы ты знала, как приятно окунуться с головой, нырнуть на дно и потом снова вынырнуть!

— Удивительное удовольствие! — заметила курица. — Ты, кажется, совсем с ума сошел! Спроси-ка у кота, — он умнейший из всех моих знакомых! — спроси у него,

любит ли он плавать и нырять? О себе я уж и говорить не хочу. Спроси даже нашу старушку-хозяйку: уж умнее ее нет никого на свете. Увидишь, понравится ли ей твоё плавание и ныряние?

— Вы не понимаете меня! — сказал утенок.

— Мы не понимаем тебя? Скажи пожалуйста! Неужели ты воображаешь, что ты умнее кота и нашей хозяйки? О себе я уже не говорю. Пожалуйста, не воображай себе разных пустяков, и благодари бога за все добро, которое тебе здесь сделали! Тебя приняли в теплую комнату, вокруг тебя общество, у которого ты можешь многому научиться! Но я вижу, что ты пустой болтун и что с тобой даже разговаривать противно. Уж, поверь мне, я тебе не желаю зла. Ты слышишь от меня неприятности,

Плохо пришлось бедному утенку!

но именно по этому истинные друзья и узнаются! Учись лучше нести яйца, или выучись мурлыкать и пускать из себя искры.

— Нет, я, кажется, уйду бродить по белому свету, — сказал утенок.

— И хорошо сделаешь! — сказала курочка.

И утенок отправился. Он плавал по воде, он нырял вглубь, но все птицы отгоняли его, потому что он был очень некрасив.

А между тем наступила осень; листья в лесах пожелтели; ветер срывал их и разносил по воздуху. Сделалось очень холодно, по небу ходили тучи, на заборе громко каркала от холода ворона. Плохо пришлось бедному утенку!..

Раз вечером, когда солнце закатывалось, из лесу вылетела целая стая чудных боль-

ших птиц, белых как снег, с длинными стройными шеями; это были лебеди. Они испустили совершенно особенный крик, распростерли прелестнейшие белые крылья и полетели из холодных стран в заморские теплые земли. Они неслись так высоко, высоко, и странно становилось на душе у гадкого утенка. Он крутился на воде, как колесо, вытягивал шею, как только мог, вверх к лебедям, и, наконец, крикнул так громко и чудно, что сам испугался этого крика. Когда прекрасные птицы скрылись из виду, бедняк нырнул на дно, сам не зная для чего; вынырнув, он был как помешанный. Он не знал как назывались эти птицы, не знал куда они летели, он видел, что им так хорошо жить на свете, но не завидовал им. Куда ему желать быть таким же красивым! Бедный уродец был

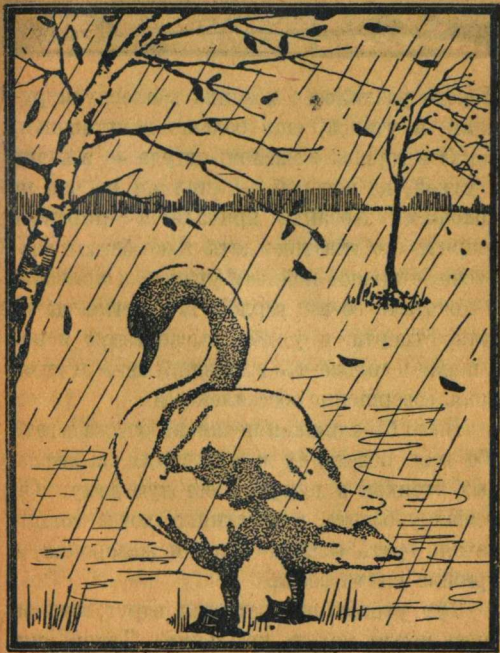

бы доволен, если бы хоть утки не гнали его от себя.

А зима была самая холодная. Чтобы вода не совсем замерзла, утенку приходилось постоянно плавать; но с каждой ночью пространство, в котором он плавал, становилось все меньше и меньше. Наступили сильные морозы. Утенок усиленно работал лапками, чтобы помешать отверстию совсем закрыться льдом. Наконец, он очень устал, упал и примерз ко льду.

Рано утром пришел на это место крестьянин; увидев утенка, он разбил лед своими деревянными башмаками и снес утенка к себе в избу. Тут утенок снова ожил.

Дети хотели поиграть с ним, но утенок подумал, что они хотят мучить его, взлетел и со страха попал в горшок с молоком.

Утенок усиленно работал лапками, чтобы помешать
отверстия совсем закрыться льдом

Молоко разлилось; хозяйка всплеснула руками, а утенок, еще больше испугавшись, попал в горшок с маслом, оттуда — в кадку с мукой, из которой вылетел ни на что не похожим. Хозяйка кричала и старалась ударить его ухватом; дети тоже бегали взапуски, стараясь поймать утенка, и кричали, и хохотали во все горло. К счастью, дверь была отперта, и утенок выскользнул в нее и попал в только-что выпавший снег. Тут он упал, совершенно обессиленный.

Было бы слишком печально рассказывать обо всех бедствиях и лишениях, вынесенных утенком в долгую, жестокую зиму. Он лежал у болота, в тростнике, когда солнце начало греть теплее. Запели жаворонки, и пришла опять весна.

Тут утенок почувствовал вдруг, что он снова может махать крыльями. Теперь они

шумели сильнее, чем прежде, и быстро понесли его. Скоро он очутился в прекрасном саду, где цвели яблочные деревья, где бузина отлично пахла и склоняла свои длинные зеленые ветви к самой воде большого пруда. О как здесь было хорошо, свежо! И вот из чащи деревьев показались белые лебеди; они шумели крыльями и легко плыли по воде. Глядя на этих чудных птиц, как-то грустно сделалось бедному утенку.

— Полечу к ним, к этим царственным птицам, — шептал он про себя. — И они убьют меня за то, что я, такой гадкий, осмелился подойти к ним. Но все равно! Лучше быть убитым лебедями, чем переносить щипки уток, побои куриц, толчки птичниц и страшный голод во время зимы!

И утенок влетел в воду и поплыл прямо к лебедям; увидав его, лебеди замахали крыльями и бросились прямо к нему.

— Убейте, убейте меня! — прошептал бедняк, склонив голову к воде и ждал смерти. Но что увидел он в светлом зеркале воды? Он увидел самого себя, но уже не уродливой, гадкой, темно-серой птицей, а белым прекрасным лебедем!

Не беда родиться на утином дворе, когда до рожденья полежишь в лебедином яйце! Сильно порадовался он тому, что перенес столько несчастий. И ему стало так легко и весело... А большие лебеди плавали вокруг него и целовали его своими клювами.

В сад прибежали дети. Они стали бросать в воду хлеб и зерна, и самый младший закричал: — Новый лебедь! Остальные

дети весело повторяли: — Да, новый, новый, новый! — и, хлопая в ладоши и прыгая, побежали к родителям об'явить об этом. Родители пришли с ними, и в воду посыпались хлеб и булки, и все говорили: «Новый лебедь красивее всех! Такой молодой, такой славный!». И старые лебеди склонили перед ним свои головы.

И от всего этого ему стало так стыдно, что он спрятал голову под крыло. Он не знал, что ему делать. Он был так счастлив! Но несколько не загордился этим, потому что в добром сердце не бывает гордости. Он вспомнил о том, как его гнали, как все смеялись над ним, а теперь он слышал, как его называли прекраснейшею из всех прекрасных птиц. Даже бузина склонила к нему свои зеленые ветви, а солнышко светило на него теплыми

лучами! И вот крылья его зашумели, стройная шея поднялась, и он радостно, от всего сердца, сказал: — Столько счастья мне и не снилось в то время, когда я был еще гадким утенком!

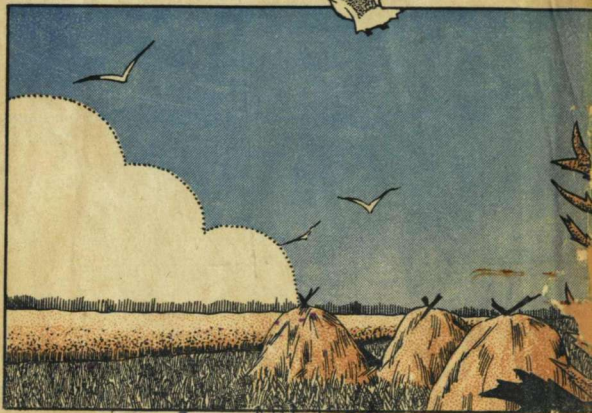
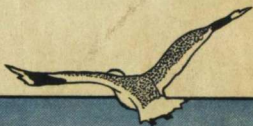

М
36.
Прп. 1969

4682
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ДОУЧ. И ИЛИ
ДЕТГИЗА

40108

44

АВТ 1942

СТВО Г. Ф. МИРИМАНОВА

вар. д. № 7.

Телефон 3-33-04